

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

Факультет иностранных языков
Кафедра английской филологии

Выпускная квалификационная работа

**ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ
ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В
ПЕРЕВОДАХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

Работу выполнила
студентка 745П
направление 45.03.02
«Лингвистика»,
профиль «Перевод и переводоведение»,
Шардина Анна Андреевна

(подпись)

«Допущен к защите в ГЭК»
Зав. кафедрой

(подпись)

« ____ » _____ 2018

Научный руководитель -
ст.преподаватель кафедры
английской филологии

Чулаков Дмитрий Константинович

(подпись)

ПЕРМЬ 2018

Содержание

Введение	3
Глава 1. Феномен речевого этикета и его национально-культурные особенности.....	6
1.1 Этикет и история возникновения	6
1.2 Признаки и функции речевого этикета	8
1.3 Нормы и традиции в речевом этикете	11
1.4 Формулы речевого этикета в различных коммуникативных ситуациях...12	
1.5 Национально-культурные особенности речевого этикета	15
1.5.1 Русский речевой этикет	16
1.5.2 Английский речевой этикет и явление классовости.....	18
Выводы по главе 1	22
Глава 2. Речевой этикет в переводах романа Джека Лондона «Мартин Иден».....	23
2.1 Проблематика романа «Мартин Иден».....	24
2.2 Эволюция главного героя в зеркале его речи	26
2.3 Сравнительный анализ передачи речевого поведения героя в двух переводах романа	36
Выводы по главе 2	47
Заключение	48
Библиографический список	50

Введение

Любой язык – это динамичная, активно развивающаяся система, и важно учитывать, что каждая система отличается собственным набором языковых средств и норм, зависящих от множества факторов. Перед переводчиком стоит серьезная задача – осуществить передачу достоверной информации, не исказив ее, сохранив исходные оттенки, будь то формальная вежливость или ирония.

В начале XXI века многие гуманитарные науки, в том числе и переводоведение, начали придерживаться принципа антропоцентризма. Благодаря этому принципу и по сей день особое внимание уделяется проявлению личности человека через его речь, особенно в литературе. Придерживаясь мнения таких ученых-литературоведов, как М.С. Макеев и Л.Н. Чурилина, героя художественного произведения мы также смело можем считать личностью или моделью личности [12]. Важным элементом и ключевым штрихом к портрету персонажа является именно речевая характеристика героя.

В области речевого этикета в качестве классических можно выделить, например, работу П. Брауна и С. Левинсона («Вежливость: некоторые универсалии в употреблении языка», 1987) [27], а среди отечественных ученых следует отметить вклад Н.И. Формановской («Речевой этикет и культура общения», 1989) [21] и И.А. Стернина («Русский речевой этикет», 1996) [17].

Данная работа посвящена анализу речевого этикета в произведении Джека Лондона «Мартин Иден» и способам перевода этикетных формул на русский язык. Существует несколько вариантов перевода, первыми из которых были работы С.С. Заяицкого (1929), Е.Д. Калашниковой (1955) [30] и Р.Е. Облонской (1984) [32].

Актуальность данной работы объясняется тем, что в настоящее время речевой этикет является ключевым звеном в процессе межкультурной коммуникации, и по сей день проблема перевода речевой характеристики

персонажей художественной литературы вызывает активный интерес как у отечественных, так и у зарубежных переводчиков и переводоведов.

Объект исследования – национально-культурные особенности речевого этикета.

Предмет исследования – специфика передачи формул речевого этикета в переводах литературных произведений.

Материалом исследования послужил роман Джека Лондона «Мартин Иден» и его переводы на русский язык С.С. Заяицкого (под ред. Е.Д. Калашниковой) и Р.Е. Облонской.

Цель исследования: выявить национально-культурную специфику передачи формул речевого этикета при переводе художественной литературы.

Задачи исследования:

1. рассмотреть историю возникновения этикета и дать определение понятию «речевой этикет»;
2. дать определение понятию «формула речевого этикета» и рассмотреть функционирование формул в разных ситуациях общения;
3. проанализировать национальные особенности речевого этикета в русскоязычной и англоязычной культурах;
4. определить роль речевого поведения в характеристике литературного персонажа;
5. проанализировать особенности речи главного героя романа Джека Лондона «Мартин Иден»;
6. провести сравнительный анализ передачи речевого поведения героя в переводах романа «Мартин Иден» на русский язык.

Методы исследования:

- анализ научной литературы по проблеме исследования;
- синтез собранного материала;
- сравнительно-сопоставительный анализ переводов романа Джека Лондона «Мартин Иден».

Практическая значимость заключается в том, что результаты

исследования формул речевого этикета могут применяться в практике художественного перевода и могут быть использованы в процессе анализа художественных текстов.

Все вышесказанное определило структуру работы, которая состоит из: введения, поясняющего актуальность исследования; основной части, предусматривающей работу с большим количеством теоретического материала, а также с художественным текстом и разными вариантами его перевода; заключения, содержащего выводы о проведенном исследовании и указание на дальнейшие перспективы; и библиографического списка, отображающего источники, использованные в процессе изучения темы и написания работы.

Глава 1. Феномен речевого этикета и его национально-культурные особенности

Начальный этап теоретического исследования основной массы научно-исследовательских работ целесообразно связать с поиском ключевых определений. Данная работа посвящена анализу формул речевого этикета, соответственно, необходимо разобраться в понятиях «этикет», «речевой этикет», выявить основные черты, свойственные данным явлениям, а также указать на их особенности в процессе перевода.

1.1 Этикет и история его возникновения

Как известно, в различных источниках разные авторы предлагают свои интерпретации каких-либо явлений, однако при их сопоставлении можно выявить ряд общих черт, являющихся ключевыми. Например, Е.П. Николаева и М.А. Петрова пишут об этикете как о «...моральном качестве, характеризующем человека, для которого уважение к людям стало повседневной нормой поведения и привычным способом обращения с окружающими» [14, с. 144]. Т.Ф. Ефремова в своем словаре предлагает следующее определение: «Этикет – это установленные нормы поведения, принятые правила и формы обхождения в какой-либо среде или в определённых условиях; церемониал» [7]. Исходя уже из приведенных определений, можно сделать вывод, что этикет представляет собой ряд неких установок, обязательных и в какой-то степени предсказуемых. Особенно четко это прослеживается в определении из «Толкового словаря иноязычных слов» Л.П. Крысина: «Этикет – это установленный, принятый порядок поведения, форм обхождения» [10]. Говоря об общепринятости, не стоит забывать, насколько важным фактором в процессе перевода является учет межкультурных различий. Иной язык подразумевает наличие иных формул для

выражения согласия или несогласия, удивления или благодарности, следовательно, проявления этикета в разных культурах могут значительно отличаться. Этикет дает возможность людям без особых усилий использовать уже готовые формы общепринятой вежливости для общения с различными группами людей и на различных уровнях – в этом есть практическое значение этикета.

Любой факт или явление нашей жизни имеет свою историю возникновения. Выявление истоков развития и рассмотрение истории в рамках научно-исследовательской работы определяет разносторонний подход к проблеме.

Родиной этикета является Италия, где уже в XIV в. особое внимание уделялось развитию и совершенствованию правил поведения в высшем свете. Однако само слово «этикет» стало общеупотребимым только в XVII в. в период правления французского короля Людовика XIV. Некоторые статьи, посвященные теме этикета, сходятся на простом объяснении возникновения термина. На одном из торжественных приемов гостям раздали карточки, называемые «этикетками», на которых были прописаны некоторые правила поведения [28]. Считается, что отсюда и произошло ныне всем известное слово «этикет».

Что касается России, то возникновение и развитие этикета некоторые авторы, опираясь на исторические факты, связывают с эпохой Петра I. В 1717 г. при императоре вышла в свет книга под названием «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению. Собранное от разных авторов». Данная книга повествует о важности быть вежливым и учтивым, о даре красноречия, а также об использовании иностранных языков: «Младые отроки должны всегда между собою говорить иностранными языками, дабы тем навыкнуть могли; а особливо когда им что тайное говорить случится, чтоб слуги и служанки дознаться не могли и чтоб можно их от других незнающих болванов распознать; ибо каждый купец товар свой похваляя продает, как может» [30].

Стоит отметить, что в рамках истории роль этикета представляется довольно значимой. Общение является своеобразным мостиком между разными странами, между народами, имеющими свои привычки и представления о морали и нравственности. Важно прийти к взаимопониманию, избежать столкновений и наладить активное взаимодействие, которое, возможно, будет продуктивным и выгодным для каждой стороны. Нельзя отрицать, что во все времена, как и сегодня, во многих ситуациях изначально верно выстроенный диалог является залогом успеха.

1.2 Признаки и функции речевого этикета

Этикет – понятие широкое, но в данной работе рассматривается этикет речевой, полный собственных нюансов. Активно и плодотворно это явление исследовала Н.И. Формановская, которая предлагает следующее определение: «Под речевым этикетом будем понимать социально заданные и национально специфичные регулирующие правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения» [21, с. 47]. Более простое определение можно найти в «Энциклопедии этикета», где речевой этикет понимается как «свод правил поведения, обхождения, принятых в определенных социальных кругах» [26, с. 9]. Кроме того, еще одну интерпретацию дает И.А. Стернин, представляя речевой этикет в виде «совокупности правил речевого поведения людей, определяемых взаимоотношениями говорящих и отражающих вежливые отношения между людьми» [17, с. 4].

Речевой этикет связан с устным и письменным общением. Этикет устного общения включает формулы вежливости и правила ведения разговора (этикета общения), этикет письменного общения – формулы вежливости и правила

ведения переписки (этикет переписки). Настоящее исследование опирается на устную речь, на проявления речевого этикета в процессе живого общения. Однако это вовсе не значит, что в качестве исследуемых явлений в обязательном порядке будут выступать реальные ситуации общения или, например, аудиозаписи, позволяющие зафиксировать не только конкретные формулы или отклонения от норм, но также и интонацию участников беседы. Речевой этикет, фигурирующий в процессе диалога, может быть довольно детально передан в литературе, и именно на этой точке зрения основана центральная проблема работы.

Любой объект исследования имеет ряд признаков, наличие которых позволяет привести наиболее точную характеристику того или иного явления, а также помогает выделить это явление из ряда родственных, но имеющих иную специфику. Отличить речевой этикет от прочих видов общения могут позволить признаки, выделенные И.А. Стерниным. Среди основных признаков автор выделяет ситуативность, регулятивность, согласованность и наличие коммуникативной рамки [17, с. 4].

Ситуативность подразумевает определенное отношение говорящего к партнеру в конкретных условиях беседы. Здесь было бы уместно судить не только об общей атмосфере складывающейся ситуации, но и об отдельных факторах, определяющих ее. Роли своеобразных факторов могут играть место и окружение, время, а также различные психологические нюансы, например, настроение, подход к проблеме или готовность к диалогу, а также степень осведомленности. Стоит учитывать то, что любое осязаемое изменение какой-либо составляющей зачастую ведет к изменению и самой ситуации, что подразумевает использование уже иных формулировок. Однако в некоторых ситуациях можно говорить и об игнорировании речевого этикета вовсе.

Интересно, что речевой этикет в какой-то степени позволяет проводить грани между коммуникативными ролями и статусами собеседников. Об этом можно утверждать, ориентируясь на такой признак речевого этикета как регулятивность. Данный признак объясняет наличие разницы в отношениях

между людьми.

В некоторых ситуациях приходится иметь дело с установленными требованиями, определяющими характер беседы и использование того или иного набора речевых формул каждым участником. Отсюда вытекают следующие признаки речевого этикета – согласованность и наличие коммуникативной рамки. Общение, где существует такое явление как этикет, априори является в какой-то степени стандартным, то есть не выходящим за общепринятые рамки. Как правило, начало и конец подобного рода беседы довольно формальны [17].

Как уже было сказано ранее, часто уже лишь верно выстроенный диалог может гарантировать позитивный исход беседы. Адекватный подход к ситуации или проблеме в совокупности с уместно используемыми формулами речевого этикета позволяют не только привлечь внимание собеседника, но и вслед за этим выстроить общение с ним таким образом, что будут достигнуты намеченные цели. Кроме того, в процессе общения появляется возможность оценить собеседника или же проявить себя, оставив то или иное впечатление. Иногда впечатления могут отличаться несколько негативным характером. Придерживаясь норм речевого этикета, участники беседы имеют возможность выражать неодобрение или даже пренебрежение таким образом, что произнесенные слова окажутся завуалированными. Но это лишь так называемая обратная сторона медали, все же этикет направлен на осуществление общения, основанного на взаимоуважении даже при наличии противоположных взглядов. Порой важно осознавать, что формулы, выражающие благодарность, сочувствие или восхищение, не являются двусмысленными. Ни один конфликт, окруженный внешней сдержанностью и церемонностью, не пройдет бесследно, и в таком случае на заднем плане оказывается основная функция речевого этикета, направленная на выстраивание благополучной коммуникации, исключая любые столкновения. Итак, можно подчеркнуть следующие функции, о которых более подробно писал И.А. Стернин:

- 1) установление контакта между людьми;

- 2) поддержание контакта между людьми;
- 3) демонстрация вежливого, уважительного отношения к собеседнику;
- 4) регуляция поведения людей в обществе;
- 5) профилактика конфликтов [17, с. 12].

1.3 Нормы и традиции в речевом этикете

Речевой этикет в своих проявлениях, как правило, условен и зависит от определенных норм и традиций. Нормами И.А. Стернин называет «обязательные для выполнения правила, невыполнение которых привлекает внимание окружающих и вызывает их осуждение», а традициями – «правила, которые не являются обязательными для соблюдения, но в силу тех или иных причин их принято придерживаться» [17, с. 26]. В разных культурах этикет диктует свои нормы и традиции. По наблюдениям как носителей языка, так и иностранных гостей, русский речевой этикет не является жестким сводом правил, отличается гибкостью и в значительной мере подчиняется признаку ситуативности.

Очевидно, что познание речевого этикета другой страны, как и многого другого, невозможно без погружения в чужую культуру, что не всегда подразумевает принятие, но обязательный учет и осознание существующих норм и иных средств выражения формул речевого этикета. Уместно вспомнить слова немецкого ученого Г. Малецке: «Под межкультурными отношениями подразумеваются все отношения, участники которых используют не только собственную систему кодировки, нормы, установки и формы поведения, принятые родной культуре, но сталкиваются с иными нормами, кодировками, установками и бытовым поведением» [16, с. 13].

Одним из элементов общения является учет личного пространства или, иначе говоря, зоны коммуникации. Каждый человек сам определяет масштаб личного пространства, причем этот масштаб может варьироваться в

зависимости от ситуации и степени отношения к собеседнику. Некая граница между участниками беседы устанавливается интуитивно, и любая нежелательная попытка нарушить эту границу может привести к негативным последствиям. На сегодняшний день известны четыре зоны коммуникации Э. Холла:

- интимная (15–46 см) – при общении с близкими людьми;
- личная (46–120 см) – при общении с друзьями и знакомыми;
- социальная (120–350 см) – при формальном общении, а также с посторонними людьми;
- публичная, или открытая (от 3,6 м) – при общении с большой группой людей [22, с. 42].

1.4 Формулы речевого этикета в различных коммуникативных ситуациях

На данном этапе уместно осуществить более детальное рассмотрение формул речевого этикета, привести определение, разобраться в принципах их функционирования, а также в особенностях, присущих им в рамках разных культур. Итак, согласно одному из источников: «Формулы речевого этикета – это типовые готовые конструкции, которые регулярно употребляются при корректном общении» [29]. Важно учитывать, что употребление тех или иных формул должно соотноситься с социальными, возрастными, а также психологическими факторами.

Базовые формулы усваиваются в раннем возрасте в процессе воспитания. Далее, по мере взросления, люди замечают все больше и больше различных деталей, учатся разграничивать стили речи. Способность адекватно оценить ситуацию, поддержать разговор и грамотно изложить свои мысли высоко ценится и ценится во все времена.

Любая беседа имеет свое начало, развитие и конец. Отсюда следует, что и все формулы речевого этикета можно разделить на три основные группы:

- речевые формулы, относящиеся к началу общения;
- речевые формулы, используемые в процессе общения;
- речевые формулы, относящиеся к концу общения.

Несомненно, при использовании тех или иных формул важно учитывать и ситуацию общения. Как известно, официальная ситуация диктует строгие правила, побуждая следовать общепринятым нормам речевого этикета. В случае отклонений от этих норм, возникают серьезные последствия, касающиеся иногда и всех участников беседы.

В неофициальной ситуации, когда в качестве собеседников выступают друзья или члены семьи, допустимы некоторые отклонения от общепринятых норм. Исключением может явиться присутствие постороннего человека в качестве собеседника или слушателя. В таком случае следование нормам желательно.

Также возможно сочетание формул, свойственных как официальной, так и неофициальной ситуации. При этом общение может происходить в кругу семьи или в обществе коллег по работе. Довольно распространенным явлением в условиях полуофициальной ситуации является наличие норм, условно принятых в каком-то определенном коллективе.

Учитывая все вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что эффективное общение с точки зрения этикета – это общение, предполагающее следование определенным принципам и правилам, которые позволяют выстроить гармоничный диалог. Центральным принципом речевого поведения является принцип кооперации, о котором подробно говорится в работе Г.П. Грайса. Согласно этому принципу, участники беседы должны иметь общую цель и стремиться к ее достижению. Данный принцип автор раскрывает с помощью четырех постулатов:

- 1) постулат количества (умеренное и достаточное количество предъявляемых фактов);

- 2) постулат качества (информация должна быть достоверной);
- 3) постулат отношения (адекватный подход к теме беседы, отсутствие отклонений);
- 4) постулат способа (использование ясного и доступного способа донесения информации) [6, с. 217-237].

Другой автор Дж. Лич сформулировал второй важный принцип коммуникации – принцип вежливости. Этот принцип был раскрыт в шести максимах:

- 1) максима такта (соблюдение дистанции);
- 2) максима великодушия (стремление создать для собеседника комфортные условия);
- 3) максима одобрения (позитивная оценка других, стремление к совпадению позиций по отношению к миру и людям);
- 4) максима симпатии (доброжелательность, отказ от безучастного контакта);
- 5) максима согласия (отказ от конфликтной позиции, снятие конфликта путем взаимной коррекции поведения);
- 6) максима скромности (неприятие похвал и лести в свой адрес, адекватная самооценка) [10, с. 155].

Разумеется, не все условия могут быть учтены в ходе беседы. Более того, в силу индивидуальных качеств, некоторые составляющие принципа вежливости могут быть проигнорированы, но все же стоит помнить о важности внимания и проявления тактичности по отношению к собеседнику, ведь благоприятная атмосфера определяет эффективность коммуникации. Чтобы создать такую атмосферу, следует опираться на психологические принципы общения К.Г. Павловой:

- 1) принцип равной безопасности (отсутствие оскорблений, унижений, насмешек);
- 2) принцип децентрической направленности (умение взглянуть на проблему глазами собеседника);

3) принцип адекватности того, что воспринято, тому, что сказано (отсутствие намеренного искажения смысла получаемой информации) [15, с. 67].

Соблюдение основных принципов зачастую осуществляется через процесс самоанализа. Главная задача заключена в искоренении таких качеств как наглость, стереотипность мышления и нежелание идти на компромиссы.

1.5 Национально-культурные особенности речевого этикета

Любая страна имеет свою собственную культуру и свои собственные традиции. На этом простом факте не раз было акцентировано внимание ранее, но уместно повториться, отметив, что от межкультурного разнообразия зависит и разнообразие формул речевого этикета, с которыми доводится сталкиваться, например, иностранным гостям, но в особенности – переводчикам. Именно перед ними стоит задача, заключающаяся в осуществлении адекватного перевода, предусматривающего учет исходной структуры, стиля и лексики.

Тем не менее, при сопоставлении любых систем можно выявить общие закономерности. Так, допустимо говорить о таких универсальных чертах речевого этикета, как, например, сдержанность, вежливость и позитивное отношение к собеседнику. Кроме того, в пределах любой страны формулы речевого этикета могут отличаться в зависимости от возраста говорящего, гендерной принадлежности, образования и рода деятельности, условий жизни нации в целом, а также общих черт психологического склада ее представителей. Национально-культурная специфика отражается не только на этапе становления формул речевого этикета, но и способствует их дальнейшей модификации под влиянием изменения одного из вышеперечисленных факторов. Разумеется, выражение даже универсальных черт на разных языках специфично.

Примером отличительной черты в англоязычной культуре может служить особенность употребления личного местоимения «you». Известно, что в русском языке существуют два варианта обращения к человеку путем использования личного местоимения: «Вы» и «ты». Выбор зависит от ситуации общения и степени близости собеседников, то есть уже только наличие той или иной формы личного местоимения может говорить о конкретных условиях коммуникации. Английское же местоимение «you» можно интерпретировать как «Вы» или «ты», что при отсутствии достаточного контекста зачастую вызывает замешательство у начинающего переводчика. В XVII в. в предисловиях многих английских книг можно было встретить другую форму личного местоимения 2го лица – «thou» (ты) в качестве формы обращения к читателю. Сегодня эта форма считается устаревшей.

Приведем еще один пример из англоязычной культуры, связанный с различиями между британским и американским вариантами английского языка. Формой обращения к учителю в школах Великобритании является «Mr. + фамилия» или слово «Sir», к учительнице – «Miss + девичья фамилия» или слово «Miss», даже если учительница замужем. Это связано с традицией, сохранившейся со времен королевы Виктории, когда работать в школе разрешалось только незамужним женщинам. В США подобная традиция не имела места, и при той же, что и в Великобритании, форме обращения к учителю, выбор формулы обращения к учительнице зависит: а) от семейного положения («Mrs. + фамилия по мужу», «Miss + фамилия»); б) от возраста (например, к молодой учительнице допустима формула обращения «Miss + имя») [11, с. 29].

1.5.1 Русский речевой этикет

Прежде чем приступать к анализу формул речевого этикета другой страны, стоит обратить внимание на степень владения аналогичными

формулами на родном языке. Активность использования формул, умение подходить к этому, ориентируясь на ситуацию, и способность адекватно реагировать на замечания, комплименты или отказ во многом определяются рядом качеств, своеобразных штрихов к портрету русского человека. Некоторая чопорность англичан, их сдержанность и приверженность строгому распорядку и планам резко контрастируют с нашей эмоциональностью и непредсказуемостью. Можно сделать вывод, что в процессе общения одним из определяющих факторов благополучной развязки беседы является психологический настрой.

Одним из важных моментов в начале диалога является приветствие. Речевой этикет позволяет указать на степень близости собеседников. Например, близкого человека можно поприветствовать фразой «Привет!» или «Кого я вижу, привет!». Данная формула в большинстве случаев не была бы уместной при встрече с начальником или малознакомым человеком. Желая выразить уважение, можно сказать: «Приветствую!» или «Рад Вас приветствовать!». Как видно, подобное разграничение устанавливает невидимые социальные рамки между участниками беседы. Для приветствия малознакомых людей оптимальным вариантом является формула «Здравствуйте!», которую также уместно адресовать целой группе людей, например, в официальной обстановке. Другие варианты: «Добрый день/вечер!» или «Доброго времени суток!». Часто приветствие, сопровождаемое внешними проявлениями этикета, задает тон беседе и позволяет наладить контакт. Если же появляется необходимость заговорить с незнакомым человеком, в самом начале диалога важно произнести формулы, выражающие извинение: «Извините/Простите/Прошу прощения». В такой ситуации сама фраза не подразумевает наличие факта вины, это формальное извинение за внедрение в чье-то пространство.

Дальнейший разговор и, разумеется, прощание, также сопровождаются определенными формулами речевого этикета. Их использование будет зависеть от протекания беседы, ее темы, а также от взаимоотношений между людьми, ведь формула, относящаяся к одной и той же ситуации, может иметь различные

оттенки. Сравните: «Здравствуй!» и «Здрате», «До скорой встречи!» и «Чао-какао!» [33].

1.5.2 Английский речевой этикет и явление классовости

Данная работа ориентирована на анализ формул речевого этикета именно англоязычной культуры, поэтому было бы логично обратить внимание на особенности общения англичан. Разобравшись в ныне общеупотребительных формулах, фигурирующих в различных ситуациях, и приняв их в качестве базы с перспективой дальнейшего обогащения, затем будет проще ориентироваться в диалогах, предложенных авторами художественных произведений.

Беседа англичан, столь ориентированная на традиции и нормы, конечно же, полна подводных камней, в качестве которых выступают нарушения, незначительные для нас, но крайней грубые для коренных жителей. Можно вести речь и о классовости, которой уделяется отнюдь не малое внимание в Англии, но сперва стоит обратить внимание на те детали, которые уже можно считать традиционными.

Как вариант приветствия во многих русских школах детям до сих пор предлагается фраза «How do you do?», которая требует в качестве ответа повторение той же формулы. Однако сегодня в Англии данная формула почти не используется и уже не является стандартным и универсальным приветствием. Конечно, существуют иные варианты, например: «Pleased to meet you» или «Nice to meet you», а также «How are you?», причем последний вариант допустимо воспринимать как прямой вопрос лишь в кругу близких людей, то есть, в большинстве случаев, это лишь формальная фраза, подразумевающая краткий ответ без ссылки на всевозможные жизненные проблемы, а также без акцентирования внимания на личных достижениях, что было бы уже, как минимум, дурным тоном.

Важно упомянуть и центральную тему практически любой беседы

англичан, а именно – разговор о погоде. Данная тема уже давно считается универсальной, а в ряде случаев – обязательной, подобной некоему ритуалу, с помощью которого людям удастся заполнять даже самые неловкие паузы в беседе. Далее будут рассмотрены наиболее популярные формулы речевого этикета [20].

Как правило, общение начинается либо со слов приветствия, либо с обращения. Ранее уже шла речь о том, что в английском языке, в отличие от русского, нет формального разграничения между формами «ты» и «Вы». Еще одним нюансом является то, что при знакомстве не принято пожимать руки и представляться по имени, если это не деловая встреча. Малейшее проявление навязчивости воспринимается негативно.

Далее – приветствие. Формулы по своему характеру могут быть как стилистически сниженными, свойственными непринужденному общению, так и повышенными, более формальными. Например, стилистически сниженные приветствия: «Hi!/Hey!/Hello!/Hello everybody!/Morning!». Стилистически повышенные приветствия: «Welcome!/I'm happy to welcome you!/Allow me to greet you on behalf of...!».

Следующим ключевым элементом беседы является прощание. Наиболее употребительными и нейтральными в стилистическом отношении являются следующие выражения: «Bye!/Good bye!/See you!/ See you soon (or tomorrow)!». Стилистически повышенными можно считать следующие примеры: «I'm afraid it's time I was saying goodbye!» или «I wish to thank you and say goodbye!». Более того, формулы речевого этикета, посвященные прощанию, могут содержать и пожелания: «All the best!», «Take care. God bless you!» или «Good luck!».

Основная часть беседы может строиться на разных принципах, здесь используются разнообразные формулы, среди которых можно выделить формулы благодарности, извинения, а также просьбы.

Наиболее употребительной и нейтральной по своей сути является форма «Thank you!». Если же благодарность выражается в усиленной форме, то фигурируют такие фразы как «Thank you (so) very much!», «Many thanks!»,

«Thanks a lot!», «I'm so grateful to you for...!», а также «Thank you for keeping in touch!». Некоторые фразы могут иметь оттенок официальности: «I would like to thank you» или «I would like to express my gratitude/appreciation».

Что касается выражения раскаяния, то можно произнести «Excuse me», «I am sorry» или просто «Sorry». В официальной обстановке наиболее приемлемо было бы сказать «I am sorry to ...» или «Please, accept my apologies».

Если появляется необходимость обратиться за помощью, наиболее вежливыми считаются следующие формулы: «Would you ...?» или «Could you...?». В ситуации же непринужденного общения более уместной была бы формула «Will you ...?».

Кроме всего прочего, в англоязычной культуре можно говорить о явлении классовости, которое достаточно подробно описывает в своей работе британский антрополог Кейт Фокс [20, с. 18]. Автор выделяет несколько особенностей, позволяющих безошибочно определить классовую принадлежность собеседника.

Существуют индикаторы, основанные на произношении. Так, по мнению высшего класса, представители низов не умеют произносить согласные звуки, а именно смычные (например, [t]) и щелевые (например, [h]), которые первые чаще опускают в потоке речи. Например, «alf past ten» (half past ten – «половина десятого») – высший класс, «hpstn» – низший класс; «ankercheef» (a handkerchief – «носовой платок») – высший класс, «hnkrchf» – низший класс.

Также отмечается, что люди низшего класса вместо [th] произносят [f]: «teeth» («зубы») – «teef», «thing» («вещь») – «fing», а иногда звучит [v]: «that» («тот, та, то») – «vat». Еще одним моментом является то, что [g] на конце слова имеет тенденцию превращается в [k]: «somefink» вместо «something» («что-то, что-нибудь»), «nuffink» вместо «nothing» («ничего»).

Разумеется, существуют и различия в произношении гласных звуков в разных классах. Например, представители низшего класса произносят [a] как [i :]: Dive вместо Dave и Tricey вместо Tracey (имена). Аристократический [o]

произносят как [or]: «naff orf» от «enough of» («достаточно чего-либо»).

Еще одним индикатором, позволяющим выделить представителей того или иного класса, является манера говорить о себе. Так, представители высшего класса по возможности стараются не использовать личное местоимение «I», заменяя его неопределенным «one».

Все вышеперечисленное является важным в процессе коммуникации, особенно для представителей высшего класса, которые в малейшем отклонении или едва слышимом акценте видят проявление просторечия и малограмотности.

Выводы по главе 1

Речевой этикет представляет собой совокупность правил речевого поведения людей, определяемых взаимоотношениями говорящих и отражающих вежливые отношения между людьми.

Речевой этикет имеет определенные признаки и функции. К его признакам относят ситуативность, регулятивность, согласованность и наличие коммуникативной рамки. Среди функций речевого этикета выделяют такие пункты как установление контакта между людьми; поддержание контакта между людьми; демонстрация вежливого, уважительного отношения к собеседнику; регуляция поведения людей в обществе; профилактика конфликтов.

Формулы речевого этикета – это типовые готовые конструкции, которые регулярно употребляются при корректном общении (формулы, относящиеся к началу общения; формулы, используемые в процессе общения; формулы, относящиеся к концу общения).

Речевой этикет условен и зависит от определенных норм и традиций. Любая страна имеет свою собственную культуру, но при сопоставлении можно выявить общие закономерности. Универсальными чертами речевого этикета являются сдержанность, вежливость и позитивное отношение к собеседнику.

Глава 2. Речевой этикет в переводах романа Джека Лондона «Мартин Иден»

Формулы речевого этикета, являясь неотъемлемой частью живого общения, несомненно, фигурируют и в литературе, а именно в диалогах героев, о которых при анализе произведения важно судить как о личностях. Такой подход подразумевает выявление множества факторов, составляющих целостный образ героя. Когда в центре внимания оказывается проблема перевода формул речевого этикета, необходимо помнить, что использование подобных формул во многом зависит от характера героя, его профессии и интересов, от окружения, а также от места и времени действия. Язык произведения позволяет выразить чувства героев и их качества, позволяет судить о степени образованности персонажа, о его классовой принадлежности.

Данная исследовательская работа ориентирована на выявление особенностей перевода формул речевого этикета в рамках художественной литературы на примере произведения Джека Лондона «Мартин Иден». В России роман стал довольно известен и популярен еще в начале XX в. Разумеется, были и попытки осуществить адекватный перевод этого произведения. Художественный перевод – это всегда кропотливая, но довольно увлекательная работа, это труд, плоды которого часто оспариваются и подвергаются критике. О качестве первых переводов писала Нора Галь. Согласно ее суждениям, в начале 50-х гг. из всех имеющихся переводов «Мартина Идена» был выделен перевод С. Заяицкого, который «нуждался в серьезных исправлениях, а переводчика давно не было в живых» [4, С. 357-366]. Редактировала роман Е.Д. Калашникова, которой тогда пришлось проделать колоссальную работу, ведь изначально перевод был полон пропусков и грубых ошибок.

Согласно большинству источников, роман Джека Лондона во многом автобиографичен. В книге описан весьма непростой жизненный путь молодого человека, представителя низшего класса, привыкшего к черной работе и

скромному быту. Вырисовывается образ бунтаря с душой романтика, живущего надеждой и верой в светлое будущее, где осуществляются высокие цели, где приверженность искусству, неутолимая жажда познания и отреченность от животных инстинктов являются главными принципами.

Неудивительно, что со временем требования к художественному переводу, как и к любому другому, растут. Язык – динамичная система, находящаяся в постоянном процессе развития. Возникают новые языковые единицы, соответственно, меняется и сам лексический состав. Те формулы, которые казались уместным 100 лет назад, сегодня могут оказаться вычурными и придать беседе несколько комичный характер. Кроме того, что крайне важно при работе с художественными текстами, следует избегать дословного перевода и помнить о необходимости сохранения стиля и культурных особенностей, выраженных теми или иными формулами. Работа переводчика состоит не только в осуществлении перевода как такового, но и в обязательном погружении в иную культуру, без чего порой сложно интерпретировать речь, подчиненную нормам этикета.

2.1 Проблематика романа «Мартин Иден»

Впервые публикация романа Джека Лондона «Мартин Иден» появилась в журнале «Pacific Monthly» в 1909 году. Роман описывает творческий путь молодого писателя, который благодаря упорному труду и неиссякаемой творческой энергии смог достичь успеха в своем мастерстве, дойти до высокого уровня саморазвития, а также добиться всеобщего признания. В книге также обличены пороки высшего общества и показана мнимая «интеллигенция».

Как известно, каждое произведение имеет свою проблематику. Данный роман затрагивает несколько важных проблем, занимающих центральное место в книге.

Проблема любви стала первой и основополагающей в романе. Два человека из абсолютно разных миров полюбили друг друга, один – самозабвенно, другая – теряясь в сомнениях. На все подозрения Руфи о том, что юноша заводит себе в каждом порту по жене, Мартин отвечает, что из всех женщин, которых он встречал, он впервые полюбил только ее. Однако далее, по мере развития событий и становления Мартина как высокообразованной личности, выясняется, что на самом деле он полюбил не саму Руфь, а ее идеализированный образ.

Проблема смысла жизни изначально для самого Мартина раскрывалась в любви к Руфи, а уж только потом в его творчестве, друзьях и родных. Со временем героя одолевает разочарование в собственных идеалах, он теряет душевный покой. Он с горечью подмечает, что его лучшие произведения были написаны прежде, чем получили признание и были опубликованы.

Проблема счастья связана со смыслом жизни. Мартин полностью посвятил себя работе над собой, спал всего по пять часов, работая при этом по девятнадцать, фанатично читал книги успешных авторов, заучивая слова, цитаты и стараясь запомнить их приемы. Ему это было не в тягость, напротив, наполняло его. Такая сила воли и целеустремленность не могут не вызвать уважения.

Проблема лицемерия и ложных стереотипов отражается в отношении героев к Мартину Идену на разных этапах его развития. Изначально это полное равнодушие, пренебрежение к нему самому и его работе. Далее столь неблагоприятное отношение резко меняется, когда он становится знаменитым и уважаемым писателем. Также в процессе развития Мартин лучше узнает семейство Морзов, которые к настоящей литературе, живописи и музыке были абсолютно глухи, как и все им подобные. Это осознание также оказывает большое влияние на героя. Кроме всего прочего, если говорить о подлости мирового устройства, то можно вспомнить случай, когда Мартин отправился в редакцию «Трансконтинентального», чтобы получить свой заслуженный гонорар в пять долларов. Сделать это получилось однако с трудом, так как

работники делали вид, что у них нет денег. Но после приобретения Мартином всеобщего признания издательства стали охотно печатать то, что прежде отвергали.

Проблема денег и славы проявляется довольно явно в самом конце, показывая, что первое по-настоящему не способно сделать Мартина счастливым. В начале своего пути он, полный энтузиазма, амбициозный юноша, горел желанием иметь славу писателя, оттачивал мастерство, высчитывал, сколько ему могут заплатить за то или иное произведение, но лишь признание его усилий, оценка трудов могла стать единственной отрадой, пришедшей, в итоге, слишком поздно [31].

2.2 Эволюция главного героя в зеркале его речи

В художественном произведении герой предстает перед нами в качестве целостного образа, основанного на определенных факторах, таких, как род занятий, происхождение, характер, а также внешность. Однако одной из самых главных деталей, составляющих образ персонажа, является его речь, которая в полной мере способна раскрыть как его внутренний мир, так и отношение к жизни в целом.

В литературоведении существует понятие речевого портрета, под которым Т.П. Тарасенко понимает «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования» [18, с. 8].

О.С. Ахманова под речевой характеристикой персонажа художественного произведения понимает «подбор слов, выражений и оборотов речи, выступающих средством художественного изображения действующих лиц» [1, с. 374]. Аналогичного мнения придерживается и советский ученый Д.Э. Розенталь в своем справочнике лингвистических терминов. Речь персонажа всегда способна раскрыть его происхождение и социальный статус,

отражает его характер, мысли, а также отношение к происходящим вокруг событиям. Кроме всего прочего, речевая характеристика демонстрирует отношение самого автора к герою.

Можно выделить два подхода к изучению речевых характеристик персонажей художественных произведений: литературоведческий и лингвистический.

Для изучения речевого портрета М.И. Чижевской был разработан метод, включающий в себя три категории:

- 1) категорию социолингвистической обусловленности (основывается на том, что речь персонажа всегда социально обусловлена, т.е. эксплицитно (вербально) или имплицитно (через манеру речи, произношение, акцент) передает его социальный статус, возраст, образование);
- 2) категорию тематического содержания (направлена на выявление ключевого момента в речи персонажа). Важность категории заключается в отражении интересов персонажа, его мировоззрения, что влияет на выбор лексики и способы синтаксических построений;
- 3) категорию моно- и диглоссии (отражает способность или неспособность героя пользоваться в зависимости от ситуации общения двумя разновидностями одного и того же языка) [23].

Если говорить о лингвистическом подходе, то следует обратить внимание на соответствие речевой характеристики героя реальным формам существования речи, принцип отбора и комбинирования языковых средств автором произведения для создания определенного образа.

Речевое поведение складывается из:

- 1) вербального (словесного) поведения;
- 2) звучания речи (ее акустики): громкости, высоты голоса, размаха ее изменений (монотонная речь или, напротив, с заметными перепадами от высокого тона к низкому), быстроты (темпа) речи, длительности пауз;
- 3) значимых движений лица и тела (взгляд, мимика, жесты, поза – жестово-мимическое поведение);

4) использования разговаривающими партнерами пространственного поведения.

Речь героя может быть выражена в виде диалога, прямой или внутренней речи (мысли и размышления). Прямая речь влияет на типизацию особенностей речевого портрета героя, но, с другой стороны, она направлена на индивидуализацию его речевого портрета. Внутренняя речь, главным образом, представлена в виде внутреннего монолога. Чтобы проникнуть во внутренний мир героя и получить дополнительную информацию о нем, необходимо обратиться к его мыслям и переживаниям, объясняющим мотивы поступков.

В своем романе Джек Лондон явно критикует буржуазное общество и противопоставляет ему бедного и малограмотного Мартина Идена, в лице которого также показана трагедия художника в капиталистической Америке. Герой поистине великий, и величие его раскрывается через сложный путь саморазвития. Прилагая немалые усилия, из простого и необразованного матроса он превращается в человека с огромным багажом знаний из разных областей, в истинного писателя с тонкой душевной составляющей. В зависимости от общих преобразований, меняется и его речь, появляется место этикетным формулам.

При первом знакомстве с Мартином его речь была полна неправильных и грубых оборотов и выражений. В самом начале произведения Мартину, приглашенному в дом Морзов, приходилось анализировать собственное поведение и особенно речь, которая явно не вписывалась в рамки этикета, о чем свидетельствуют примеры, представленные ниже (см. таблицу 1).

Таблица 1

Оригинал	Перевод С.С. Заяицкого (под ред. Е.Д. Калашниковой, 1956)	Перевод Р.Е. Облонской (1984)
Such <u>sordid things</u> as stabbing affrays were evidently not fit subjects for conversation with a	О таких <u>неприглядных предметах</u> , как драка на ножах, едва ли удобно	Видать, не положено говорить с порядочной девушкой об <u>эдаких</u>

<p>lady. People in the books, in her walk of life, did not talk about such things-perhaps they did not know about them, either.</p>	<p>беседовать со светской дамой. В книгах люди ее круга никогда не говорили о подобных вещах, - может быть, они о них даже не знали.</p>	<p><u>подлостях</u>, о поножовщине. В книгах люди вроде нее про такое не говорят, а может, ничего такого и не знают.</p>
<p>"<u>It wasn't nothin' at all</u>," he said. "Any guy 'ud do it for another. That <u>bunch of hoodlums was lookin' for trouble</u>, an' Arthur wasn't botherin' 'em none. They butted in on 'm, an' then <u>I butted in on them an' poked a few</u>. That's where some of the skin off my hands went, <u>along with some of the teeth of the gang</u>. I wouldn't 'a' missed it for anything. When I seen-" He paused, open-mouthed, <u>on the verge of the pit of his own depravity and utter worthlessness to breathe the same air she did</u>.</p>	<p>- <u>Ерунда</u>, - сказал он, - каждый сделал бы то же на моем месте. Эта <u>шайка мерзавцев просто лезла на скандал</u>. Артур их и не трогал. Они набросились на него, а я на них, - <u>ну и отдул их порядком</u>. Правда, кожа у меня на руках пострадала, <u>ну да зато кое-кто из них не досчитался зубов</u>. Я очень рад, что так вышло. Я когда вижу... Он вдруг умолк с раскрытым ртом, <u>потрясенный собственным ничтожеством</u>, чувствуя, что недостойн даже дышать одним воздухом с нею.</p>	<p>- <u>Чепуха!</u> – сказал он. – Тут бы всякий за парня вступился. Эти <u>бандюги перли на рожон</u>, Артур-то к ним не лез. Они на него накинулись, а уж <u>я – на них, наkostenялял будь здоров</u>. Тогда и шкуру на руках ободрал, <u>зато зубы кой-кому повышибал</u>. Нипочем не прошел бы мимо. Я как увижу... Он замолк с открытым ртом, <u>едва не выдав, какая же он мерзкая тварь</u>, едва не показав, что попросту недостойн дышать с ней одним воздухом.</p>

Следующие примеры особенно ярко демонстрируют контраст между Мартином и Морзами (см. таблицу 2).

Таблица 2

<p>Оригинал</p>	<p>Перевод С.С. Заяицкого (под ред. Е.Д. Калашниковой, 1956)</p>	<p>Перевод Р.Е. Облонской (1984)</p>
<p>Then he had to talk, to hear what was said to him and what was said back and forth, and to answer, <u>when it was necessary, with a tongue prone to looseness of speech that required a constant curb</u>.</p>	<p>Кроме того, он должен был говорить, слушать то, что говорили ему, или то, что говорилось вокруг, отвечать, <u>когда это было нужно, заботясь о том, чтобы язык, привыкший к распущенным</u></p>	<p>Да еще надо было что-то говорить, слушать, что говорят ему и о чем перебрасываются словами остальные, и, <u>когда требовалось, отвечать, да следить, как бы с языка по</u></p>

	<u>речам, не сболтнул чего-нибудь неподходящего.</u>	<u>привычке не слетело что-нибудь неприличное.</u>
So he sat at table, <u>perturbed by his own unfitness</u> and at the same time charmed by all that went on about him.	И он сидел за столом, <u>угнетенный сознанием собственного ничтожества</u> и очарованный всем, что совершалось вокруг него.	И он сидел за столом <u>в смятении, что он тут не к месту</u> , и притом зачарованный всем, что происходило вокруг.
His mind was stirred. He heard words spoken that were <u>meaningless to him</u> , and other words that he had seen only in books and that no man or woman he had known was of large enough mental caliber to pronounce.	Ум его усиленно работал. Вокруг него произносили слова, <u>непонятные ему по значению</u> , и другие слова, которые он встречал только в книгах и которые никто из людей его мира не мог далее выговорить.	Ум его был взбудоражен. Здесь он слышал слова, <u>значения которых не понимал</u> , и другие, которые встречал только в книгах, – никто из его окружения, ни один мужчина, ни одна женщина, даже произнести бы их не сумели.
<u>He wasn't of their tribe</u> , and he couldn't talk their lingo, was the way he put it to himself. He couldn't fake being their kind. The masquerade would fail, and besides, <u>masquerade was foreign to his nature</u> . He couldn't talk their talk just yet, though in time he would. Upon that <u>he was resolved</u> .	<u>Он был не их породы</u> и потому не умел говорить их языком. Все это было несомненно. Подделываться под них? Но игра, наверное бы, не удалась, да и вообще <u>притворство было не в его натуре</u> . Сейчас он не может говорить их языком, но со временем сможет: в этом он был <u>убежден непоколебимо</u> .	<u>Он не их племени</u> и языка их не знает, так определил он для себя. Подделываться под них он не сумеет. Маскарад не удастся, <u>да и не по нем это – рядиться в чужие одежды</u> . Говорить на их языке он еще не умеет, но ничего, научится. Это он <u>решил твердо</u> .

В первых эпизодах Мартин показан вдохновленным, очарованным людьми, которые его окружали в доме Морзов. Их речь для него была еще сложной и даже непонятной (см. таблицу 3). Перед ним были идеалы, к которым он стремился. Герой чувствовал в себе потенциал, верил в свой талант и понимал, в чем его призвание, ставил перед собой великие цели. Самое главное, он верит в успех.

Оригинал	Перевод С.С. Заяицкого (под ред. Е.Д. Калашниковой, 1956)	Перевод Р.Е. Облонской (1984)
<p><u>Never had he been at such an altitude of living</u>, and he kept himself in the background, listening, observing, and pleasuring, <u>replying in reticent monosyllables, saying</u>,</p> <p>"Yes, miss," and</p> <p>"No, miss," to her, and</p> <p>"Yes, ma'am," and</p> <p>"No, ma'am," to her mother.</p>	<p><u>Никогда еще не поднимался он на такие жизненные высоты</u>, и, наблюдая и слушая, он старался поменьше обращать на себя общее внимание, <u>отвечая односложно</u>: "да, мисс" и "нет, мисс", если она обращалась к нему; "да, мэ" и "нет, мэ", если к нему обращалась ее мать.</p>	<p><u>Никогда еще жить не возносила его так высоко</u>, и он старался оставаться в тени, слушал, наблюдал, радовался и сдержанно, <u>односложно отвечал</u>: «Да, мисс» и «Нет, мисс» – ей и «Да, мэ» и «Нет, мэ» – ее матери.</p>
<p>"The greatest time of my life. You see, <u>I ain't used to things...</u> " He looked about him <u>helplessly</u>. "To people and houses like this. It's all new to me, and I like it."</p> <p>"I hope you'll call again," she said, as he was saying good night to her brothers.</p> <p>He <u>pulled on his cap, lurched desperately</u> through the doorway, and was gone.</p>	<p>- Самый замечательный день в моей жизни. <u>Видите ли, я не очень привык ко всему этому</u>, - он растерянно оглянулся, - к таким людям, и таким домам. Это все совсем ново для меня... и это мне нравится</p> <p>- Надеюсь, вы к нам еще придете, - сказала она, когда он прощался с ее братьями.</p> <p>Он <u>напялил кепку, неуклюже споткнулся</u> о порог и вышел.</p>	<p>– Самый замечательный день в жизни. <u>Я... это... не привык я к такому...</u> – Он <u>беспомощно</u> огляделся. – К таким вот людям, к домам... В новинку мне это... и нравится.</p> <p>– Надеюсь, вы еще навестите нас, – говорила Руфь, пока он прощался с братьями.</p> <p>Он <u>нахлобучил кепку, смущенно, враскачку шагнул</u> за дверь и исчез.</p>

На очередном этапе развития героя видимы явные метаморфозы Мартина, связанные с его речью, ставшей более правильной и менее грубой (см. таблицу 4). Развитие проходило, конечно, не без участия Руфи, именно она сыграла в его обучении значительную роль, направляя и давая возможность встать на путь к тем идеалам, к которым молодой человек так стремился.

Оригинал	Перевод С.С. Заяицкого (под ред. Е.Д. Калашниковой, 1956)	Перевод Р.Е. Облонской (1984)
<p>He noticed the <u>bad grammar</u> used by his shipmates, and made a point of mentally correcting and reconstructing their crudities of speech. To his great joy he discovered that his <u>ear was becoming sensitive</u> and that he was developing <u>grammatical nerves</u>. A double negative jarred him <u>like a discord</u>, and often, from lack of practice, it was from his own lips that the jar came. His tongue refused to learn new tricks in a day.</p>	<p>Он теперь замечал <u>неправильности в разговорах</u> матросов и мысленно исправлял их ошибки и грубость речи. С радостью он замечал, что его <u>ухо стало очень чувствительно</u> и что у него развилось особое <u>грамматическое чутье</u>. Всякая неправильность речи звучала для него <u>как диссонанс</u>, хотя с непривычки бывало еще, что и у него самого срывались с языка подобные ошибки. Видимо, нужно было время для того, чтобы освободиться от них навсегда.</p>	<p>Он <u>подмечал, как грешат против грамотности</u> его товарищи по плаванию, и всякий раз мысленно поправлял их неуклюжие выражения и повторял про себя уже по всем правилам. Он радовался открытию, что <u>ухо его становится чувствительным к ошибкам</u>, что у него появляется некое <u>грамматическое чутье</u>. Искажённое слово, неверное произношение <u>резали ему слух, как фальшивая нота</u>, но пока еще такая фальшивая, нота нередко вырывалась и у него самого. Научиться всем этим новшествам с ходу он не мог.</p>
<p>Not only did he speak <u>more correctly</u>, but he spoke <u>more easily</u>, and there were many <u>new words in his vocabulary</u>. When he grew excited or enthusiastic, however, he dropped back into the old slurring and the dropping of final consonants.</p>	<p>Он теперь говорил не только <u>правильнее</u>, но <u>гораздо свободнее</u>, и его <u>лексикон значительно обогатился</u>. Правда, в моменты увлечения он забывался и опять начинал употреблять жаргонные словечки и комкать окончания.</p>	<p>Он стал говорить не только <u>правильнее</u>, но и <u>непринужденней</u>, и его <u>словарь стал много богаче</u>. Однако стоило ему разволноваться или увлечься, и он опять ошибался в произношении слова, неправильно строил фразу.</p>

Практически в самом конце произведения Мартина одолевают противоречивые чувства. Внутреннее противостояние, разочарование в ранее возведенных идеалах вовлекают Мартина в споры и дискуссии, провоцирующие нарушить все усвоенные нормы этикета, однако, стараясь выразаться образно и демонстрируя свою компетентность, молодому человеку

удавалось поддерживать «светскость» беседы, как в следующем примере (см. таблицу 5).

Таблица 5

Оригинал	Перевод С.С. Заяицкого (под ред. Е.Д. Калашниковой, 1956)	Перевод Р.Е. Облонской (1984)
<p>“Undoubtedly you are both excellent doctors,” he said; “but if you care a whit for the opinion of the patient, let him tell you that you are poor diagnosticians. In fact, you are both suffering from the disease you think you find in me. As for me, I am immune. The socialist philosophy that riots half-baked in your veins has passed me by.”</p> <p>“Clever, clever,” murmured the judge. “An excellent ruse in controversy, to reverse positions.”</p>	<p>- Несомненно, вы превосходные доктора, - сказал он, - но если вы хоть немножко интересуетесь мнением пациента, позвольте ему сказать вам, что вы ошиблись в диагнозе. На самом деле вы оба страдаете той самой болезнью, которую приписываете мне. Я же совершенно невосприимчив к ней. Социалистическая философия, которая вас так волнует, меня никак не затронула.</p> <p>- Ловко, ловко, - пробормотал судья, - прекрасный прием в споре - обращать обвинение против обвинителя.</p>	<p>– Вы оба, несомненно, отличные доктора, – сказал он, – но если вас хоть немного интересует мнение пациента, позвольте сказать вам, что диагнозы вы неважные. В сущности, вы оба страдаете той самой болезнью, которую приписываете мне. Что же до меня, я к ней не восприимчив. Недозрелая философия социализма, которая будоражит вам кровь, меня не коснулась.</p> <p>– Недурно, недурно, – пробормотал судья. – Отличный прием в споре – приписать свои взгляды противнику.</p>

Не всегда, даже пройдя столь трудный путь к преобразению, Мартину Идену удавалось сохранять спокойствие и изъясняться культурно. Разница состояла в том, что делал он это уже не по незнанию каких-либо принятых светским обществом норм и правил этикета, а выражая досаду, гнев и разочарование среди людей, которых он когда-то ставил выше себя. Очевидно, что не всегда тот, чья речь кажется более благозвучной, является персонажем с положительной оценкой, что и пришлось осознать молодому человеку, сталкиваясь с ложными идеалами (см. таблицу 6).

Оригинал	Перевод С.С. Заяицкого (под ред. Е.Д. Калашниковой, 1956)	Перевод Р.Е. Облонской (1984)
<p>“<u>A cheap judgment</u>,” he remarked quietly. “I heard it first in the City Hall Park, on the lips of a workingman who ought to have known better. I have heard it often since, and <u>each time the clap-trap of it nauseates me</u>. You ought to be ashamed of yourself. To hear that great and noble man’s name upon your lips is like finding a dew-drop in a cesspool. You are disgusting.”</p> <p>Mr. Morse was secretly pleased. He could see that his daughter was shocked. <u>It was what he wanted to do—to bring out the innate ruffianism of this man he did not like</u>. Ruth’s hand sought Martin’s beseechingly under the table, but <u>his blood was up</u>.</p>	<p>- <u>Дешевая острога</u>, - заметил он спокойно, - впервые я услышал ее в Сити-Холл-парке из уст одного рабочего, которому следовало, пожалуй, быть умнее. С тех пор я часто слышал эти слова, и <u>всякий раз меня тошнило от их пошлости</u>. Как вам самому не стыдно! Имя великого и благородного человека среди ваших словоизлияний - словно капля росы в стоячей луже. Вы внушаете мне отвращение!</p> <p>Мистер Морз втайне радовался. Он видел, что его дочь шокирована. <u>Он добился своего, вызвал вспышку природной грубости у этого ненавистного ему человека</u>. Руфь с мольбой сжала под столом руку Мартина, но <u>кровь уже закипела в нем</u>.</p>	<p>– <u>Грошовое остроумие</u>, – негромко заговорил он. – Впервые я услышал эту фразу в Муниципальном парке из уст рабочего, который должен бы соображать получше. С тех пор я часто ее слышал, и <u>от этой трескучей фразы меня каждый раз тошнит</u>. Постыдились бы! Слышать имя этого благородного, великого человека из ваших уст-все равно что увидеть каплю росы в выгребной яме. Вы омерзительны.</p> <p>Мистер Морз втайне ликовал. Дочь явно шокирована. <u>Что и требовалось; наконец-то проявилась хулиганская натура этого молодчика, которого он невзлюбил</u>. Рука Руфи умоляюще сжала под столом руку Мартина, но <u>он уже закусил удила</u>.</p>

Также отметим, как Мартин переходит на явную грубость, которая являлась показателем его ничем не завуалированной реакции. Здесь же видим и Руфь, слепо придерживающуюся рамок приличия (см. таблицу 7).

Оригинал	Перевод С.С. Заяицкого (под ред. Е.Д. Калашниковой, 1956)	Перевод Р.Е. Облонской (1984)
<p>“You are unbearable,” she wept.</p> <p>But his anger still smouldered, and he kept muttering, “<u>The beasts! The beasts!</u>”</p> <p>When she averred he had insulted the judge, he retorted:-</p> <p>“By telling the truth about him?”</p> <p>“<u>I don’t care whether it was true or not,</u>” she insisted.</p> <p>“<u>There are certain bounds of decency,</u> and you had no license to insult anybody.”</p>	<p>- Вы невыносимы, - говорила Руфь, вся в слезах. Но его гнев еще не утих, и он грозно бормотал:</p> <p>- <u>Скоты! Ах, скоты!</u>.</p> <p>Когда Руфь сказала, что Мартин оскорбил судью, он возразил:</p> <p>- Чем же я его, по-вашему, оскорбил? Тем, что сказал правду?</p> <p>- <u>Мне нет дела до того, правда это или нет,</u> - продолжала Руфь, - <u>есть известные границы приличия,</u> и вам никто не давал права оскорблять людей!</p>	<p>– Ты невыносим, – рыдала она. Но его гнев еще не потух, и он продолжал бормотать:</p> <p>– <u>Скоты! Скоты!</u></p> <p>Руфь сказала, что он оскорбил судью.</p> <p>– Сказав ему правду в глаза? – возразил Мартин.</p> <p>– <u>Мне все равно, правда это или неправда,</u> – настаивала она. – <u>Существуют границы приличия,</u> и ты не имеешь права никого оскорблять.</p>

Мартин преодолел три непростых этапа становления себя как новой личности, оставаясь при этом довольно самобытным и независимым в своем мышлении, что сохраняло невидимую преграду между его беспритворством и теми людьми, которых он изначально сам себе ставил в пример. Пребывая в постоянных спорах с буржуазным обществом, Мартин Иден осознает, что оно все же глухо к голосу таланта и не в состоянии по достоинству оценить даже произведения искусства. К сожалению, в этих спорах буржуазное общество сломило его, а признание пришло слишком поздно. Уже не было интереса ни к самим спорам, в которых он уже выступал более уверенно и мог цитировать великих, ни к жизни в целом. Выход из этого всего герой находит в самоубийстве.

2.3 Сравнительный анализ передачи речевого поведения героя в двух переводах романа

Так как в основе данной работы лежит анализ переводов художественной литературы, целесообразно в первую очередь изучить особенности художественного перевода и дать определение понятия «перевод» в целом.

Существует несколько определений перевода, принадлежащих известным ученым. Например, советский лингвист Л.С. Бархударов считал, что перевод является «определенным видом трансформации, а именно межъязыковой трансформации» [2, с. 6].

Наш соотечественник, филолог А.В. Федоров рассматривал перевод как «речевое произведение в его соотношении с оригиналом» [19, с. 3].

Более сложное и развернутое определение давал доктор филологических наук, профессор А.Д. Швейцер, представляя перевод в виде «однонаправленного и двухфазного процесса межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде» [25, с. 75].

Художественный перевод занимает особое место в мире переводоведения и выделяется как особый жанр литературы со своими структурными, содержательными и эмоционально-оценочными свойствами [8, с. 7]. Понятие художественного перевода предполагает творческое преобразование исходного текста с использованием всех необходимых выразительных возможностей языка перевода, сопровождаемого возможно более полной передачей литературных особенностей оригинала. Как писал российский переводчик Р.К. Миньяр-Белоручев, «художественный перевод прозы писателя со своим стилем возможен лишь при наличии соответствующего таланта у переводчика» [13].

Приступая к работе с художественным текстом, переводчик должен иметь определенные знания о культурных и литературных традициях, быть

осведомленным о личном и социальном мире автора переводимого текста, а также о психологической составляющей литературного творчества. В целом, если говорить об искусстве художественного перевода, то оно складывается из личного литературного мастерства переводчика, его способностей, предвидения литературных потребностей современности и умения отвечать на скрытые вопросы в межлитературной и межкультурной коммуникации.

Переводчик создает не столько эквивалент, сколько некое подобие оригинала, особый вид текста, целью которого является представление оригинального художественного произведения в иноязычной культуре. В результате исходный текст получает дополнительную аудиторию. Можно утверждать, что происходит развитие межкультурной художественной коммуникации в соответствии с требованиями времени, характером литературных процессов и потребностями читателей.

Такие понятия, как эмотивность, интуиция и эмоциональность, как правило, рассматриваются как составляющие элементы субъективного фактора при переводе и не подлежат логическому осмыслению. Получатель любого текста, особенно художественного, воспринимает информацию индивидуально в зависимости от разных факторов. Любой текст вызывает у нас эмоции и, следовательно, содержит в себе определенные эмотивные свойства. Обычно переводчик придерживается либо традиционного способа выражения меры эмотивности в языке перевода, либо собственного творческого решения. В процессе анализа и освоения исходного текста, выбирая стратегию его воспроизведения на языке перевода, переводчик сталкивается с оценкой текста. Оценочные действия переводчика делятся на следующие виды оценок:

- общая оценка ИТ с точки зрения его места в литературном процессе, важности для исходной культуры, а также места в культурной традиции;
- частная оценка ИТ с точки зрения его места в творчестве автора, его содержания, структуры и выразительных средств;

- личная оценка ИТ с точки зрения переводчика-читателя (мера содержательности, соответствие читательским ожиданиям, личные предпочтения);
- личная оценка ИТ с точки зрения переводчика-соавтора (мера сложности, важность и своевременность введения в контекст культуры ПЯ, соответствие возможностям переводчика) [8, с. 23].

Все оценочные действия взаимосвязаны в процессе перевода и переводческого анализа, они опосредованно влияют на решения переводчика и результат перевода. Комплексная оценка оригинала является процессом подвижным и интеллектуальным, ее компоненты могут взаимодействовать, влияя на позицию переводчика. Допустим, что переводчик, выступая в роли читателя, может довольно высоко оценивать оригинал и считать его интересным для перевода, но тут же, с точки зрения соавторства, он может усомниться в собственной готовности переводить или же в готовности аудитории воспринять перевод положительно.

Написанный в 1909 году, роман Джека Лондона «Мартин Иден» уже в 20-е годы стал известен русской публике и был весьма популярен. Существует несколько вариантов перевода романа на русский язык, среди которых можно выделить работы С.С. Заяицкого, который первым в начале XX века сделал попытку осуществить адекватный перевод произведения, и Е.Д. Калашниковой, которая уже в конце 40-х годов редактировала работу С.С. Заяицкого, полную грубых ошибок и несоответствий, о чем писала позднее Нора Галь [3]. Как говорила сама Е.Д. Калашникова, «в сущности, всё надо бы переписать заново! Но это - задача непосильная, не может и не должен никакой редактор переделывать каждую строку большого романа» [3]. Отдельно рассматривается и перевод Р.Е. Облонской, вышедший в восемнадцати изданиях с 1984 года. В процессе написания данной работы были проанализированы переводы С.С. Заяицкого (под ред. Е.Д. Калашниковой) и Р.Е. Облонской.

Сам роман можно условно разделить на три части в соответствии с эволюцией главного героя: начальный уровень развития, переходный и

высокий. Личность Мартина Идена продемонстрирована читателю в динамике, которая видна в его речи. Важно проследить за этой динамикой и передать адекватными средствами на русский язык. Именно это и является ключевым моментом для переводчика в работе с данным романом, важно выделить и обозначить через перевод все уровни, сохраняя на каждом из них целостность образа в отдельности и по всему произведению в целом.

В мире перевода, а в особенности художественного, невозможно обойтись без критики. Особое внимание в 50-е годы прошлого века привлекла работа Сергея Сергеевича Заяицкого, когда для восьмитомного собрания сочинений из всех прежних работ был выбран именно его перевод, обвиненный позднее советским переводчиком Норой Галь в «неверности подлиннику» [3]. Она считала, что вся работа должна быть пересмотрена и исправлена, что все ключевые детали в речи героев были упущены, искажая при этом их мысли, чувства и даже поведение. Конечно, авторское исправление было невозможным, так как Сергея Сергеевича уже не было в живых. В 1961 году, когда в журнале «Огонек» вышло новое собрание сочинений Лондона, ни на титуле романа, ни в оглавлении уже не были названы ни переводчик, ни редактор.

Обычно старые переводы отличаются наличием пропусков, калек и грубых ошибок [3]. Исправление таких работ со временем становится бессмысленным и довольно сложным, так как редакторам приходится пересматривать практически всю работу полностью, да и сам принцип переводу зачастую уже оказывается устаревшим.

Приведем примеры переводов С.С. Заяицкого под редакцией Е.Д. Калашниковой и сравним с тем, что предлагает Р.Е. Облонская. В работе переводчика присутствуют явные смысловые сдвиги. На первой же странице книги, в первом же абзаце сказано: «На нем была простая, грубая одежда, пахнувшая морем» (clothes that snacked of the sea). В данном примере нейтральное деепричастие «пахнувшая» уместно было бы заменить на «разившая», ведь моряка сразу можно узнать по одежде. Интересный ход при

этом в своем переводе использует Р.Е. Облонская: «Что-то в его грубой одежде сразу же выдавало моряка, и в просторном холле, где они оказались, он был явно не к месту». Другой пример: «Остановил ее движением руки» (he waved his hand deprecatingly), то есть небрежно махнул рукой, отмахнулся от похвалы. У Облонской: «Он протестующе махнул рукой».

Ниже диалог из первой встречи Мартина Идена с Руфью (см. таблицу 8). Приведем сопоставительную таблицу переводов Заяицкого и Облонской с оригиналом. Учитывая то, что это начальный уровень развития героя, их речь должна отличаться, что, однако не было продемонстрировано в переводе Заяицкого:

Таблица 8

Оригинал	Перевод С.С. Заяицкого (под ред. Е.Д. Калашниковой, 1956)	Перевод Р.Е. Облонской (1984)
“You was saying that this man Swinburne failed bein' a great poet because an' that was as far as you got, miss”	— Вы говорили, что этот Суинберн не сделался великим поэтом, потому что... да... вот на этом вы как раз и остановились, мисс...	Вы говорили, этому... Суинберну не удалось стать великим поэтом, потому как... а дальше не досказали, мисс, —
“ <u>Yes, thank you,</u> ” she said. “Swinburne fails, when all is said, because <u>he is, well, indelicate.</u> There are many of his poems that <u>should never be read.</u> Every line of the really great poets is filled with beautiful truth, and calls to all that is high and noble in the human. Not a line of the great poets can <u>be spared</u> without impoverishing the world by that much”	— <u>Да, да...</u> благодарю вас, — отвечала она. — Суинберн потому не сделался великим поэтом, что, <u>по правде говоря, он иногда бывает грубоват.</u> У него есть такие стихотворения, которые просто <u>не стоит</u> читать... У великого поэта нельзя <u>выкинуть</u> ни одной строчки...	— <u>Да...</u> благодарю вас, — сказала Руфь. — Суинберн потерпел неудачу потому, что ему <u>все же не хватает... тонкости.</u> Многие его стихи <u>не следовало бы</u> читать. У истинно великих поэтов в каждой строке прекрасная правда и каждая обращена ко всему возвышенному и благородному в человеке. У великих поэтов ни одной строки нельзя <u>опустить,</u> каждая обогащает мир.
“I thought it was great,” he said hesitatingly, “the little I read. I	— А мне показалось очень хорошо... то, что я вот тут	— А по мне, здорово это, что я прочел, — неуверенно сказал

had no idea he was <u>such a scoundrel</u> . I guess that <u>crops out</u> in his other books”	прочел. Мне и в голову не приходило, что он такой... <u>такой дурной</u> . Должно быть, это <u>по другим его книгам видно</u> .	Мартин, – прочел-то я, правда, немного. Я и не знал <u>какой он... подлюга</u> . Видать, это в других его книжках <u>вылазит</u> .
" <u>Yes</u> , I've read 'm..."	— <u>Да, да</u> . Я его читал...	– <u>Ага</u> , этого я читал,

Исходя из данного перевода, сложно сделать вывод, что девушка является утонченной особой, бакалавром искусств, а Мартина, в противовес ей, полуграмотным моряком, грубость и неотесанность речи которого должна быть подчеркнута. Интонация диалога в целом довольно светская, в предложениях обоих героев присутствует сложный синтаксис и придаточные предложения, а также одно и то же «да, да». В репликах, начинающиеся с «yes» для Руфи вполне естественно «да, да» или более вдумчивое «да...», для Мартина же уместно и «ага», так как в оригинале вся его речь на начальном уровне и грамматически, и фонетически неправильна.

Оборот «по правде говоря» был бы, скорее, уместен в речи Мартина Идена. Что же касается высказываний Руфи (he is, well, indelicate), здесь нет «иногда», и не «бывает грубоват», а «в сущности» или «все же» (well - смягчающая запинка): «ему не хватает тонкости». Более того, ее речи больше присуще «не следовало бы» (should never be read), а не «не стоит», а также «опустить» (spared), а не резкое «выкинуть». Подобные моменты крайне существенны.

В речи Мартина забавен также перевод «такой дурной», в подлиннике более экспрессивное «scoundrel» Облонская заменяет на «подлюгу». Кроме того, Заяицкий напрасно в своем переводе прибегнул к нейтральному переводу единицы «crops out», которую верно перевела Облонская, использовав искаженное и крайне просторечное «вылазит».

По речи персонажа можно судить о широте его кругозора, дать оценку имеющимся знаниям на данном уровне развития. Например, как видно из примера ниже (см.таблица 9), Мартин, будущий писатель, допускал нелепые

ошибки, связанные с произношением фамилии литературного деятеля, чего в будущем конечно уже не было.

Таблица 9

Оригинал	Перевод С.С. Заяицкого (под ред. Е.Д. Калашниковой, 1956)	Перевод Р.Е. Облонской (1984)
<p>"This man <u>Swineburne</u>," he began, attempting to put his plan into execution and pronouncing the <i>i</i> long.</p> <p>"Who?"</p> <p>"<u>Swineburne</u>," he repeated, with the same mispronunciation. "The poet."</p> <p>"<u>Swinburne</u>," she corrected.</p> <p>"Yes, that's the chap," he stammered, his cheeks hot again.</p>	<p>- Этот... <u>Свайнберн</u>, - начал он, осуществляя свой план, но при этом делая ошибку в произношении.</p> <p>- Кто?</p> <p>- <u>Свайнберн</u>, - повторил он, - поэт.</p> <p>- <u>Суинберн</u>, - поправила она его.</p> <p>- Да, он самый, - проговорил он, снова покраснев. - Давно он умер?</p>	<p>- Этот парень, <u>Свинберн</u>, - начал он, желая переменить разговор, как задумал, но коверкая имя.</p> <p>- Кто?</p> <p>- <u>Свинберн</u>, - повторил он с той же ошибкой. - Поэт.</p> <p>- <u>Суинберн</u>, - поправила Руфь.</p> <p>- Вот-вот, он самый, - пробормотал Мартин, вновь залившись краской.</p>

К первому этапу развития Мартина Идена можно отнести одну из весьма показательных реплик. Рассмотрим в параллельном переводе (см.таблица 10):

Таблица 10

Оригинал	Перевод С.С. Заяицкого (под ред. Е.Д. Калашниковой, 1956)	Перевод Р.Е. Облонской (1984)
<p>"You know I didn't want to come, an' <u>I guess</u> your <u>fam'ly ain't hankerin'</u> to see me <u>neither</u>"</p>	<p>Вы ведь знаете, я не хотел, да и <u>вашим-то</u> едва ли так уж <u>не терпится</u> на меня посмотреть.</p>	<p>Сами знаете, не желал я идти, да и <u>вашему семейству</u>, <u>смекаю, не больно я нужен</u>.</p>

Данный пример содержит сразу три случая произношения слов, свойственного социальным диалектам английского языка: исчезновение звука [d] после согласной, замена звука [ŋ] на звук [n] в суффиксе -ing.

Сокращенная форма “ain’t” представляет собой сочетание глагола to be и частицы not и также является характерной чертой многих социальных диалектов. То же самое можно сказать и о двойном отрицании – сочетание отрицательной формы глагола ain’t и отрицательного местоимения neither.

Фонетические и грамматические ошибки в обоих примерах перевода переданы с помощью приема компенсации на лексическом уровне. Этот прием автоматически приводит к приему стилистической трансформации. Здесь просторечный вариант произношения союза and передается с помощью разговорного союза «да и». Этот пример демонстрирует использование сочетания модуляции и стилистической трансформации.

Неверно произнесенное слово family у С.С. Заяицкого переведено разговорным оборотом «ваши-то». У Р.Е. Облонской это слово переводится как «семейство». Так как в словаре это слово обозначено как устаревшее, можно сказать, что в данном примере также применен прием модуляции и стилистического преобразования.

При переводе глагола to hanker С.С. Заяицким использован антонимический перевод: в словаре дается перевод «страстно желать, жаждать», а переводчик останавливается на варианте «не терпится». Кроме того, он добавляет в эту часть просторечное «так уж» - получается прием добавления в сочетании со стилистической трансформацией. Р.Е. Облонская применяет то же сочетание приемов: в этой части предложения она использует просторечный оборот «не больно нужен», а остальная часть передается с помощью приема целостного преобразования.

Говоря о лексических единицах, отметим, что сочетание «I guess» в словаре Мультитран обозначено как просторечное и разговорное, и хотя эта фраза в переводится нейтральными вариантами: «полагать», «считать», Р.Е.

Облонская вновь прибегает к стилистической трансформации и переводит фразу просторечным словом «смекаю».

Итак, анализируя первый уровень развития речи Мартина Идена, переводчикам часто приходится подбирать способы, чтобы компенсировать информацию, так как герой допускает много фонетических и грамматических ошибок. В процессе отражении личностного развития героя в его речи наиболее важным переводческим приемом здесь является стилистическая трансформация и ее комбинации с другими приемами. Если сравнить речь Мартина Идена в начале и в конце романа, то контраст становится очевиден (см. таблица 11).

Таблица 11

Оригинал	Перевод С.С. Заяицкого (под ред. Е.Д. Калашниковой, 1956)	Перевод Р.Е. Облонской (1984)
<p>"Yes, I <i>ain't no</i> invalid," he said. "When it comes down to hard-pan, I can <i>digest scrap-iron</i>. But just now I've got dyspepsia. Most of what you was <i>sayin'</i> I can't digest. Never trained that way, you see. I like books and poetry, and what time I've had I've read <i>'em</i>, but I've never thought about <i>'em</i> the way you have.</p>	<p>- Да, <u>я вообще здоров, как бык</u>, - сказал он, - ежели понадобится, могу <u>переварить ржавое железо</u>. Но сейчас вот у меня что-то вроде несварения. Многое из того, что вы <u>говорите</u>, мне не переварить. Меня, видите ли, никогда ничему такому не обучали. Я люблю книги и стихи и читаю <u>их</u>, как только выдается время. Но только я никогда про <u>них</u> так не думаю, как вы.</p>	<p>– Верно, <u>я не хилый</u>, – сказал он. – Меня с копыт не сковырнешь, я и <u>звонди жевать могу</u>. А вот сейчас никак не переварю, чего вы <u>говорите</u>. Не по зубам мне. Не учили меня этому. Книжки я люблю, и стихи тоже, и читаю всякую свободную минутку, а только по-вашему отродясь про <u>них</u> не думал.</p>

Здесь герой использует жаргонную лексику, грубые выражения как “digest scrap-iron”, значение которого более точно удалось передать Облонской, делает грамматические ошибки с двойным отрицанием и сленговым ain’t (“I ain’t no invalid”), применяет редуцированные разговорные формы ‘em и sayin’. Его речь выдает в нем необразованного молодого человека.

Мартин Иден, перешедший на более высокий уровень развития, уже общается с Руфь иначе (см. таблица 12). В его речи отсутствуют грамматические ошибки, речь поставлена правильно и весьма хорошо развита, молодой человек использует некоторые стилистические приемы, например, кольцевой повтор, начинающийся словами *the same* для эмпазы, что, опять же, при переводе более отчетливо прослеживается в работе Облонской. Все это говорит о том, что Мартин стал образованным и начитанным человеком с прекрасными манерами. Таким образом, Джек Лондон продемонстрировал эволюцию героя через его речь.

Таблица 12

Оригинал	Перевод С.С. Заяицкого (под ред. Е.Д. Калашниковой, 1956)	Перевод Р.Е. Облонской (1984)
<p>You see I have not changed, though my sudden apparent appreciation in value compels me constantly to reassure myself on that point. I've got <i>the same</i> flesh on my bones, <i>the same</i> ten fingers and toes. I am <i>the same</i>. I have not developed any new strength nor virtue. My brain is <i>the same</i> old brain. I haven't made even one new generalization on literature or philosophy. I am personally of the same value that I was when nobody wanted me. And what is puzzling me is why they want me now.</p>	<p>Вы видите, я не переменялся, хотя мое внезапное возвышение может навести на эту мысль. Я сам стараюсь убедить себя в том, что я переменялся. Но я <i>тот же!</i> Никаких новых талантов, никаких новых добродетелей у меня нет. Мой мозг остался <i>таким же</i>, как был. У меня даже не появилось никаких новых взглядов на литературу или на философию. Ценность моей личности не увеличилась с тех пор, как я жил безвестным и одиноким. Я только удивляюсь, почему я вдруг стал всюду желанным гостем?</p>	<p>Ты видишь, я не изменился, хотя меня вдруг стали очень высоко ценить и приходится все время напоминать себе, что я – прежний. <i>Та же</i> плоть у меня на костях, <i>те же</i> самые пальцы на руках и на ногах. Я <i>тот же</i> самый. Я не стал ни сильнее, ни добродетельнее. И голова у меня все <i>та же</i>. Я не додумался ни до единого нового обобщения ни в литературе, ни в философии. Как личность я стою ровно столько же, сколько стоил, когда никому не был нужен. А теперь чего ради я им вдруг понадобился, вот что непостижимо.</p>

На втором этапе, с уменьшением количества допускаемых Мартином Иденом ошибок, число таких трансформаций становится практически вдвое меньше. Речь юноши становится гораздо более выразительной, и для ее перевода далеко не всегда можно использовать однозначные эквивалентные соответствия. Здесь переводчики более часто употребляют такие приемы, как вариантные соответствия, модуляции и целостные преобразования. На третьем этапе эта тенденция сохраняется. И хотя переводчики также используют стилистическую трансформацию, она чаще служит для возвышения тона высказывания и сохранения цельности образа.

Так как английский и русский языки типологически разные, в переводах неминуемы изменения грамматических характеристик единиц перевода и синтаксических структур. Это отображается в использовании таких приемов, как грамматические замены, перестановки, членение и объединение предложений.

Выводы по главе 2

Речевой портрет героя является важным элементом художественного произведения и представляет собой совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования.

Речевую характеристику персонажа составляют слова, выражения и обороты речи, выступающие в качестве средства художественного изображения действующих лиц.

Роман можно условно разделить на три части в соответствии с эволюцией главного героя: начальный уровень развития, переходный и высокий. Развитие Мартина Идена отражается в его речи на всех языковых уровнях.

Наиболее ярким и сложным для перевода является первый этап развития Мартина Идена, так как герой допускает много фонетических и грамматических ошибок. Важным переводческим приемом является стилистическая трансформация и ее комбинации с другими приемами.

На втором этапе число трансформаций становится меньше. Речь юноши более выразительная, и для ее перевода не всегда можно использовать однозначные эквивалентные соответствия. Здесь переводчики чаще употребляют такие приемы, как вариантные соответствия, модуляции и целостные преобразования.

На третьем этапе переводчики также используют стилистическую трансформацию, чаще она служит для возвышения тона высказывания и сохранения цельности образа.

Заключение

В процессе написания данной работы был изучен ряд теоретических источников, проведен синтез собранного материала, что позволило выявить особенности формул речевого этикета в рамках перевода. Обобщив и систематизировав собранный материал, удалось найти ответы на некоторые вопросы, связанные с такими явлениями как этикет, речевой этикет, а также формулы речевого этикета.

Речевой этикет имеет определенные признаки и функции и представляет собой совокупность правил речевого поведения людей, определяемых взаимоотношениями говорящих и отражающих вежливые отношения между людьми. Что касается формул речевого этикета, они являются типовыми готовыми конструкциями, которые регулярно употребляются при корректном общении.

Кроме того, удалось разобраться в нормах и традициях использования речевого этикета, а также в различных ситуациях общения, определяющих функционирование формул речевого этикета.

Основой исследования стал сравнительно-сопоставительный анализ переводов романа Джека Лондона «Мартин Иден» в исполнении С.С. Заяицкого (под редакцией Е.Д. Калашниковой) и Р.Е. Облонской. Роман можно условно разделить на три части в соответствии с эволюцией главного героя: начальный уровень развития, наиболее яркий и сложный, полный ошибок и отклонений от норм этикета, переходный, где речь Мартина становится уже более выразительной, и высокий, также довольно интересный и полный противоречий.

Развитие Мартина Идена отражается в его речи на всех языковых уровнях. На первом этапе переводчики используют стилистическую трансформацию, актуальную и для третьего этапа, и ее комбинации с другими приемами. На втором чаще употребляются такие приемы, как вариантные соответствия, модуляции и целостные преобразования.

Речевой портрет героя является важным элементом произведения и представляет собой совокупность языковых и речевых характеристик, позволяющих проследить эволюцию героя и понять его отношение к окружающей действительности.

Библиографический список

- 1) *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов.Энциклопедия, 1966. – 607 с.
- 2) *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: «Междунар.отношения», 1975. – 240 с.
- 3) *Галь Н.* О переводе романа Дж. Лондона «Мартин Иден». Рецензия, 2007.
- 4) *Галь Н.* Слово живое и мертвое. – М.: Время, 2007. – 592 с.
- 5) *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. – М.: Изд-во Московского университета, 2007. – 544 с.
- 6) *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – 500 с.
- 7) *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Дрофа, Русский язык, 2000. – 1233 с.
- 8) *Казакова Т.А.* Художественный перевод: учебное пособие. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2002. – 112 с.
- 9) *Клюев Е.В.* Речевая коммуникация: Учебное пособие для университетов и институтов. – М.: Рипол Классик, 2002. – 315 с.
- 10) *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.
- 11) *Лежнева И.И.* Социолингвистическое развитие английского и русского речевого этикета: На материале форм обращения, формул приветствия и прощания: диссертация кандидата филологических наук:10.02.19 – Воронеж 2001 – 163 с. Теория языка.
- 12) *Макеев М.С.* Спор о человеке в русской литературе 60-70 гг. XIX века. Литературный персонаж как познавательная модель человека. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 178 с.
- 13) *Миньяр-Белоручев Р.К.* Теория и методы перевода. – М.: Московский Лицей, 1996. – 208 с.
- 14) *Николаева Е.П., Петрова М. А.* Этикет. Умение жить и вести себя дома, в

семье и в обществе. – М.: Цитадель-Триада, 1995. – 221 с.

- 15) *Павлова К.Г.* Психология спора: логико-психологические аспекты. – Владивосток: ДВГУ, 1988. – 208 с.
- 16) *Рот Ю.* Межкультурная коммуникация: теория и тренинг: учебно-методическое пособие. – М.: ЮНИТИ-Дана, 2006. – 223 с.
- 17) *Стернин И.А.* Русский речевой этикет / И. А. Стернин. – Воронеж: ВОИПКПРО, 1996. – 73 с.
- 18) *Тарасенко Т.П.* Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф.дис.канд.филол.наук// Краснодар, 2007. – 26 с.
- 19) *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. – М., 1983.
- 20) *Фокс К.* Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. – М.: Рипол Классик, 2008. – 117 с.
- 21) *Формановская Н.И.* Речевой этикет и культура общения. – М.: Высшая школа, 1989. – 156 с.
- 22) *Фрик Т.Б.* Основы теории межкультурной коммуникации: учебное пособие /; Томский политехнический университет. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. – 100 с.
- 23) *Чижевская М.И.* Язык, речь и речевая характеристика (Вопросы изучения речи персонажа). – М.: МГУ, 1986. – 71 с.
- 24) *Чурилина Л.Н.* Языковая личность в художественном тексте: монография. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 240 с.
- 25) *Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М., 1988. – 216 с.
- 26) Энциклопедия этикета: Оформл. обл. А.С. Андреев. Сост.: Л.Р. Рунавчук. – СПб.: ИКФ «Мим – Экспресс», 1996 – 352 с. – (Серия: «Хочу все знать»)
- 27) *Brown P., Levinson S.* Politeness: Some Universals in Language Usage. 2nd ed. Cambridge: CUP, 1987. 348 p.
- 28) <http://jetiket.ru/o-saite> (дата обращения: 24.01.2016)

- 29) http://studopedia.ru/7_28012_rechevoy-etiket.html (дата обращения: 24.01.2016)
- 30) <http://www.wisdomcode.info/ru/quotes/authors/52349.html?page=2> (дата обращения: 24.01.2016)
- 31) http://az.lib.ru/l/london_d/text_0040.shtml (дата обращения: 25.11.2017)
- 32) <https://literaguru.ru/analiz-romana-dzheka-londona-martin-iden/#i> (дата обращения: 3.03.2018)
- 33) <http://www.e-reading.club/book.php?book=35074> (дата обращения: 25.11.2017)
- 34) <http://homeclass.ru/raznoe/rechevoy-etiket.html> (дата обращения: 24.01.2016)